

ОТНОШЕНИЕ В ОБЩЕСТВЕ К СМЕРТНОЙ КАЗНИ В УСЛОВИЯХ МНОГОПОЛЯРНОГО МИРА КАК ПОКАЗАТЕЛЬ ГУМАННОСТИ ПРАВООХРАНИТЕЛЬНОЙ СИСТЕМЫ

Важным показателем гуманности правоохранительной системы в условиях многополярного мира является отношение в государстве и обществе к вопросу о *смертной казни*. В современной России данная проблематика актуализировалась в связи с принятием Федерального закона «О прекращении действия в отношении Российской Федерации международных договоров Совета Европы»¹. В новейшей истории страны мораторий на смертную казнь и ограничение ее фактического применения в значительной степени связывались с международно-правовыми обязательствами страны². С 28 февраля 1996 г. по 16 марта 2022 г. Россия была членом Совета Европы, ратифицировала Конвенцию о защите прав человека и основных свобод (Федеральный закон от 30 марта 1998 г.), подписала к нему протокол № 6 (об отмене смертной казни в мирное время), но не ратифицировала его. Указ Президента РФ от 16 мая 1996 г. «О поэтапном сокращении применения смертной казни в связи с вхождением России в Совет Европы», даже исходя из его наименования, мотивировался скорее международно-правовыми, чем национально-гуманистическими соображениями³. В связи с принципиальными разногласиями между главой государства и парламентом по вопросу о допустимости применения в стране высшей меры наказания, в стране сложилась дилеммная правовая ситуация, при которой международно-правовое обязательство *принято* в форме подписания, но *окончательно не реализовано* вследствие отсутствия акта о ратификации.

¹ Виноградова А.Ю. Актуальные вопросы регулирования смертной казни в России на фоне выхода из Совета Европы // Евразийский юридический журнал. 2023. № 2. С. 280-281.

² Ахьядов Э.С., Хаджиев У.К. Историко-правовые последствия института смертной казни в России в связи с вступлением в Совет Европы // Вестник научной мысли. 2022. № 6. С. 135-138.

³ Лепешкина О.И. Об обязательстве России отменить смертную казнь как члена Совета Европы // Актуальные проблемы международного права в современных геополитических условиях. – М., 2019. С. 96-106.

При таких обстоятельствах, по логике, подлежала применению ст. 18 Венской конвенции о праве международных договоров, согласно которой правило «*pacta sunt servanda*» подлежит применению, пока не будет явного намерения России отказаться от участия в этом международном договоре. Однако в действительности имела место существенная правовая неопределенность¹. Основную историко-правовую роль в ее разрешении сыграл Конституционный Суд РФ, причем дважды: в 1999 году в форме Постановления (№ 3-П) и в 2009 году посредством вынесения Определения (№ 1344-О).

Следует подчеркнуть, что Конституционный Суд РФ мотивировал решение о моратории на смертную казнь не столько международно-правовыми, сколько гуманистическими обстоятельствами². При принятии Постановления № 3-П от 1999 г. ключевым основанием послужил факт отсутствия во всех субъектах РФ судов с участием присяжных заседателей; при мотивировке Определения № 1344-О – «длительность моратория», «устойчивость гарантий», «необратимость процесса», и лишь затем – «международно-правовые тенденции» и «международно-правовые обязательства России»³. При этом в Уголовном кодексе РФ до сих пор имеется пять составов преступлений (ст. 105, 277, 295, 317, 357), наказанием за которые может быть применение смертной казни (убийство с отягчающими обстоятельствами, геноцид, различные формы посягательств на жизнь отдельных категорий субъектов – государственных и общественных деятелей; лиц, осуществляющих правосудие и предварительное расследование; сотрудников правоохранительных органов).

Уголовно-исполнительный кодекс РФ (ст. 184-196) со всеми подробностями описывает процедуру применения смертной казни, включая не только обязательность решения Президента РФ (по ходатайству осужденного о помиловании либо по результатам проверки и заключений Верховного Суда РФ

¹ Комшукова О.В. Между молотом и наковальней: позиция Конституционного Суда РФ по вопросу неприменения смертной казни // Сравнительное конституционное обозрение. 2020. № 5. С. 112-133.

² Коняев С.А. Роль Конституционного Суда Российской Федерации в моратории на применение смертной казни // Конституционные чтения. 2011. № 5. С. 114-127.

³ Блаткова В.В. Правовая позиция Конституционного Суда Российской Федерации как обоснование моратория на смертную казнь // Общество и личность: гуманизация в условиях информационной и коммуникационной культуры. – М., 2018. С. 455-458.

и Генерального прокурора РФ при отсутствии такого ходатайства), но также форму (не публичный расстрел), присутствие врача и прокурора, протоколирование факта наступления смерти и правила захоронения (без выдачи тела родственникам или близким). Парламент не выражает воли к отмене данных нормативных правовых предписаний; программы ряда политических партий, которые представлены в Государственной Думе как фракции, содержат положение о необходимости возобновления в России института высшей меры наказания. Подчеркнем при этом, что последний смертный приговор был вынесен в стране в 1996 году в отношении серийного убийцы С.А. Головкина. С тех пор прошло 27 лет¹.

Полагаем, что, если современная правоохранительная система позиционирует себя в качестве гуманной, она с *явной однозначностью, раз и навсегда должна отказаться от института смертной казни в мирное время как варварского института, чуждого русской культуре и опыту большинства цивилизованных стран*. Согласно позиции Русской православной церкви, выраженной в Основах ее социальной концепции, «наказание смертью не может иметь должного воспитательного значения, делает непоправимой судебную ошибку, вызывает неоднозначные чувства в народе»; «милосердие к падшему человеку всегда предпочтительнее мести»². Однако насколько «традиционной» является духовно-нравственная ценность неприемлемости института высшей меры наказания? Не является ли это только явлением новейшего времени, если под ним подразумевать постсоветский период государственно-правовой истории?

Если брать за основу правление Ивана IV или Петра I – высшая мера наказания будет выглядеть едва ли не как основная форма царско-деспотической репрессии. Указанные монархи, несмотря на их различную историческую роль в судьбах России, имели общую черту в склонности к

¹ «Возврат смертной казни – это дополнительная моральная и психологическая ответственность на адвокате». Президент ФПА РФ Юрий Пилипенко прокомментировал предложение главы Конституционного Суда РФ отменить мораторий на смертную казнь. 30.12. 2021. // Вестник Федеральной палаты адвокатов РФ. 2022. № 1. С. 173-174.

² Авилова О.Е. Церковно-государственные отношения в свете «Основ социальной концепции Русской православной церкви» // Вестник Алтайской академии экономики и права. 2012. № 4. С. 96-99.

казням, причем именно на периоды их правления приходится своего рода историко-правовой максимум. Но и при царствовании других монархов в Российской империи применялись телесные наказания, клеймение, вырывание ноздрей. Бунтовщик Емельян Пугачев, например, был четвертован¹. Не остается в стороне печальная и, по сути, постыдная картина сталинского режима: только в период «большого террора» 1937-1938 гг. в стране было вынесено более 600 тыс. смертных приговоров. В периоды с 1935 по 1947 гг., с 1950 по 1959 гг. законодательство страны допускало казнь несовершеннолетних. В целом же уголовно-правовая политика в отношении смертной казни, начиная с февральской революции 1917 г., носила «маятниковый» характер, демонстрируя паттерны отмены (фактически – приостановления) и возобновления высшей меры уголовного наказания.

Так, Второй Всероссийский съезд Советов 28 октября 1917 г. отменил смертную казнь, но постановлением Совета народных комиссаров РСФСР от 5 сентября 1918 г. «О красном терроре» высшая мера наказания была возобновлена. Постановлением ВЦИК и СНК РСФСР от 17 января 1920 г. смертная казнь снова отменяется, но возобновляется Приказом Революционного военного совета от 4 мая 1920 г. «О революционных военных трибуналах» (расстрел без обжалования, помилования и немедленно). Указом Президиума Верховного Совета СССР от 26 мая 1947 г. смертная казнь в мирное время отменяется, но Указом того же органа от 12 января 1950 г., «по просьбам трудящихся» и с ретроактивным применением уголовного закона, высшая мера наказания предусматривается вновь (за измену Родине, шпионаж и диверсию). Примечательны указы Президиума Верховного Совета СССР от 30 апреля 1954 г. (смертная казнь за убийство при отягчающих обстоятельствах), от 15 февраля 1962 г. (высшая мера наказания за изнасилование)²; от 20 февраля 1962 г. (смертная казнь за взяточничество)¹ и др.

¹ Антропова Д.В. Пугачевский бунт при Екатерине II в 1773-1775 годах // Переломные моменты истории: люди, события, исследования. – СПб., 2022. С. 60-65.

² Гордеева Д.Р. Проблемы законодательной регламентации уголовной ответственности за особо квалифицированные составы изнасилования // Аллея науки. 2022. Т. 1. № 8. С. 259-264.

При подобных примерах наши современники, поистине, должны радоваться, какой уровень гуманизма правоохранительной системы достигнут в настоящее время. Сказанное, однако, не дает оснований к *идеализации правоохранительной системы* современной России. Правоохранительная деятельность – не тот объект, который может достигнуть заранее предустановленного уровня совершенства, чтобы избежать какой-либо критики. Имеющаяся правоохранительная система в историко-правовом смысле действительно достаточно гуманна, но она имеет проблемы и недостатки, которые должны обсуждаться в юридической науке и обществе.

В связи с этим можно сделать вывод, что действующее уголовно-правовое регулирование нуждается в общественной экспертизе, публичном обсуждении и открытой для общества частичной ревизии, целями которых было бы избавление данного документа от избыточности, декриминализация спорных с научной и общественной точек зрения деяний, смягчение ряда наказаний на основе конституционных принципов соразмерности и справедливости. Полагаем, что Россия *способна справиться* с проблемой конституционализации уголовно-правового регулирования, опираясь на *здоровые силы гражданского общества* и весьма развитый в институциональном отношении *инструментарий отечественной конституционной науки*. Это будет соответствовать цели реализации в государственной политике традиционных духовно-нравственных ценностей гуманности и гуманизма.

Уголовная ответственность представляет собой важный и перманентно актуальный инструмент политики государства. Объясняется это суровостью уголовно-правовой санкции и значительностью негативных последствий (правовых и нравственных), которые неизбежно должен претерпевать правонарушитель вследствие вынесения в отношении него обвинительного приговора и приведения такого судебного акта в исполнение. Репутационные издержки привлечения граждан к уголовной ответственности наблюдаются в

¹ Овчинников В.В. Трудно быть взяточником в Китае // Азия и Африка сегодня. 2011. № 6. С. 43-44.

силу позитивной направленности морали современного общества, однако это не всегда адекватно дифференцируется в зависимости от таких важных в юридическом смысле обстоятельств, как характер преступления, тяжесть содеянного, степень вины правонарушителя, характеристика его личности, поведение виновного лица и др.

Демократический правовой порядок требует, чтобы уголовное законодательство было *конституционным*, причем конституционность данного законодательства *не является очевидной*¹. Позитивное уголовно-правовое регулирование нуждается в *конституционализации*². Практика Конституционного Суда РФ демонстрирует *фрагментарную законодательную дефектность* и, следовательно, конституционную противоправность уголовно-правового регулирования *отдельных* общественных отношений, а также складывающейся на основе этого правоприменительной практики. При этом степень латентности подобного рода конституционно-правовых деликтов³ пока еще до конца не оценена и нуждается, как минимум, в тщательном *научном анализе* и *широком, гласном, публичном и критически ориентированном общественном обсуждении*.

¹ См.: *Плаксина Т.А.* Конституция Российской Федерации как формальный источник отечественного уголовного права: спорные вопросы // Юрист-Правоведь. 2017. № 1. С. 47.

² См.: *Гузеева О.С.* Конституционализация уголовного права как направление реализации конституционно-правовых норм // Вестник Краснодарского университета МВД России. 2020. № 2. С. 29.

³ См.: *Трофимова Г.А.* Понятие конституционного правонарушения // Конституционное и муниципальное право. 2019. № 10. С. 3-9.